

18+

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА
ШПАРКОВСКАЯ

Тайна черного озера

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Марина Геннадьевна Шпарковская

Тайна черного озера.

Иронический детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70355596

ISBN 9785006238220

Аннотация

Нина Павловна Разумовская живет в небольшом приграничном городке, жизнь ее ни чем не примечательна – кот, да хризантемы в маленьком саду. На одной из прогулок, из пролетающей мимо машины, ей под ноги выбрасывают дамскую сумочку, машина на всем ходу врезается в столб и сторает. В сумочке нет ничего, кроме фотографии и толстой темно синей тетради с переводом текста из записной книжки. Записи из этой книжки приводят Нину Павловну в лес её детства – там началась и закончилась эта история.

Тайна черного озера Иронический детектив

Марина Геннадьевна
Шпарковская

© Марина Геннадьевна Шпарковская, 2024

ISBN 978-5-0062-3822-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я полюбила долгие пешие прогулки. Ой, даже самой смешно! Полюбила! Ничего я не полюбила, я просто не знаю куда себя деть от безделья. Ну почему у меня отпуск всегда в сентябре? Почему? Может потому, что дети мои давно выросли и у них нет летних каникул, или потому что я не очень люблю жару и поэтому не езжу отдыхать на моря, или просто потому, что я не конфликтный человек и поэтому каждый раз при составлении графика отпусков, мой отпуск благополучно занимает постоянную нишу – сентябрь месяц. Да собственно я давно уже не сопротивляюсь, сентябрь так сентябрь, хорошо что не декабрь! А так я копаюсь потихонечку в саду, люблююсь своими хризантемам, в этом году они на удивление красивые, яркие желтые шапки горят

на солнышке, как желтое пламя. Аромат осени и грусти разносится по всему моему небольшому дворику, мы вечерами с котом пьем на крылечке чай и беседуем. Не сомневайтесь ни минуты, мой кот именно беседует со мной, подмяукивая в нужный момент. Он у меня большой, пушистый, пепельно серый, очень умный и очень вздорный, впрочем как и все мужчины. Да забыла представиться, зовут меня Нина Павловна Разумовская, живу я в небольшом приграничном городке и возраст мой стремительно приближается к пенсионному. Вот поэтому я и решила, что в моем возрасте очень полезны пешие прогулки, организм укрепляют, ну и время убивают, пока прогулялась до ближайшего леска и обратно, пара часов прошла, пока потом отдышалась, глядишь и вечер, пора на крылечко пить чай с вареньем и вести долгие светские разговоры, сначала по телефону с детьми, живущими отдельно, а потом с котом лежащим рядом и греющим свое пузо на заходящем осеннем солнце. Раньше в соседнем доме жила моя приятельница Зина с сыном, мы с ней дружили, ходили к друг другу в гости на чай, а иногда и на рюмочку, но в прошлом году она вышла замуж за немца и уехала в Германию, все собирается ко мне в гости, да так и не соберется. Дом она продала молодой паре с ребенком, мы киваем друг другу при встрече, но дружественных отношений не поддерживаем. Все мои подруги и приятельницы отпуска давно отгуляли, вот и коротаю я свободные дни одна одишенька, поэтому и взяла моду прогуливаться каждый день

после обеда по нашей улице, вдоль небольшой речушки тихо поющей свою песню в ракитовых кустах, до ближайшей березовой рощи. Городок наш по осени расцветает яркими красками, все многоэтажные дома расположены в центре, а здесь у нас, на окраине, во всех садах и палисадниках цветут цветы- георгины, астры, бархатцы, один краше другого, я пока иду по улице, люблюсь всей этой красотой и планирую, что обязательно посажу у себя на следующий год. Городок заканчивается и минут через пятнадцать я уже в роще, с грибами в этом году не очень, осень выдалась сухая, а гриб любит влагу и тень. Но зато какая здесь сейчас красота! Небо синие-синее, какое то совсем прозрачное, такое небо бывает только в сентябре, желтые листья берез кое где перемежаются красными осиновыми, ни ветерка, ни дуновение – красота! Только паучки летят куда то на своих паутинках, как на коврах-самолетах. Вдоволь надышавшись и налюбовавшись, я двинулась к дому. Вдруг из за поворота на бешеной скорости с визгом выскочила машина, и откуда она только здесь взялась, здесь дорога то тупиковая, никто практически не ездит, только свои в рощу за грибами, так ведь и нету их, грибов то! Машина летела мне на встречу, виляя по дороге как сумасшедшая, я от греха подальше отошла к самой канаве, еще собьют ни за что, ни про что. Из пролетающей мимо машины мне под ноги, что то вылетело, я шарахнулась в сторону и рухнула в канаву, это по всей видимости и спасло мне жизнь, потому что в ста метрах от меня машина на всем хо-

ду врезалась в столб, от удара загорелась и взорвалась. Пока я вылезала из канавы от нее остался пылающий остов в котором сквозь пламя просвечивались три человеческих фигуры – водителя и двух пассажиров сзади. В воздухе чем то едко воняло, я с перепугу никак не могла понять как вызвать полицию, все тыкала и тыкала кнопки 02, пока не сообразила что надо нажать 9—02. Молодой ленивый голос произнес в трубку «алё», но ответить у меня никак не получалось, язык прилип к небу, слова застревали на выходе, выдавая лишь какой то скрежет. Говорить будите? сонно прошелестела трубка, если не будете, положите трубку, а то привлеку за хулиганство. Здесь машина горит, все погигли, наконец то я смогла вытолкнуть из себя эту ужасную фразу. Где горит? Слава Богу, голос проснулся и стал бодр и внимателен. Я кое как объяснила где нахожусь и стала ждать приезда наряда. Ноги меня держали плохо, да еще этот ужасный запах! До меня наконец то дошло, что пахнет горелым мясом, горелым человеческим мясом. Меня мутило, перед глазами плавали какие то радужные круги, сознание балансировало где то на грани обморока, я отвернулась от машины и стала в уме складывать числа, это мне всегда помогало успокоиться, но не сегодня. Ветер гнал вонючий дым в мою сторону и я уселась прямо на землю, чтобы быть ниже этой страшной струи дыма. Что то мешало мне сидеть, колело сзади в ногу, я протянула руку и выдернула из за спины женскую сумочку, аккуратный такой коричневый баульчик. Я смотрела

на него с глубоким удивлением, просто не понимая откуда здесь, на канаве могла взяться такая, довольно дорогая вещь. Я осторожно открыла сумочку, в ней было всего три вещи: темно синяя общая тетрадь, банковская надорванная упаковка тысячных купюр и фотография. Больше в сумочке не было ничего! Ни каких либо документов, ни косметики, ни мобильного телефона. Я взяла в руки фотографию, с нее на меня смотрели улыбающиеся лица благообразного старика, с седыми, в мелкую кудряшку волосами, молодой круглолицей девушки и темноволосого кудрявого ребенка лет двух. Кто эти люди? Чья сумочка? Да, Господи, меня как обухом по голове ударили, это же сумочку мне кто то из машины под ноги выкинул! Зачем? Кто и что хотел мне сказать? Я перевернула фотографию, на ней большими буквами, ломанным почерком было написано: Спасите, Сашу!!!!

Из за поворота вереща сиреной выскочил полицейский УАЗик, пока они подъезжали я повесила сумочку себе на плечо, моя сумочка, какие вопросы. Сделала я это скорее интуитивно, совсем не задумываясь о последствиях. УАЗ лихо притормозил рядом со мной, оттуда выскочили три молодых человека в форме. И понеслось! Как? Где? Когда? Они вцепились в меня мертвой хваткой, я отбивалась от них как могла, пока не поняла, что дело идет к тому, что это я эту машину то ли взорвала, то ли расстреляла. Наверное из пальца, вроде бы больше не из чего! Они даже так и не соизволили подойти к догорающей машине, а просто окружили ме-

ня плотным кольцом и пытались доказать мне, что это я тут виновница торжества. Я слушала молодых людей допущенных к власти и потихоньку закипала, когда пар был готов сорвать крышку, я молча набрала номер начальника полиции, мы с ним знакомы много-много лет, но ведь эти крутые ребята этого не знают, они даже не спросили моей фамилии, я для них просто тетка, попавшаяся на их пути. Трубка ответила знакомым басом: слушаю. Петрович, привет! Разумовская, мне тут твои орлы вроде как терроризм пришить собираются! Павловна, ты чего там выпила, что ли? Так вроде по времени еще рановато, еще не вечер, на грудь то лучше вечером принимать, в спокойной, так сказать, обстановке, заржал в трубку мой приятель. Чего ржешь то, до вечера я у тебя в КПЗ уже баланду буду хлебать. Ты что серьезно что ли? Да куда уж серьезнее! Стоящая рядом со мной троица настороженно прислушивалась к нашему разговору, один из них протянул руку, чтобы отобрать у меня телефон. Пар сорвал крышку! А ну убрал руки, гаденыш! Я рявкнула так, что все трое встали по стойке смирно, а Петрович в трубке подавился словами. Откашлявшись, он попросил отдать телефон в руки одному из троих крутых парней. Не знаю уж что он там говорил этому герою, только физиономия парня с каждым словом вытягивалась всё больше и больше. Уже через пять минут я стала уважаемой Ниной Павловной и даже была допущена к осмотру места происшествия на которое они наконец то решили посмотреть! Смотреть там уже было

не на что, да и не то это зрелище, чтобы смотреть лишний раз, но я все таки подошла к машине, очень хотелось понять, кто же выкинул мне под ноги эту сумочку и что хотел от меня этот, теперь уже мертвый, человек. Зажимая нос носовым платком и стараясь не дышать, я рассматривала обгоревшие человеческие останки, что то в силуэте на заднем сидении меня насторожило, но что, я понять не успела, потому что в голове моей вдруг тоненько зазвенело и накатила ужасная дурнота, я развернулась и на деревянных ногах двинулась прочь от чадящего остова машины, причем шла с закрытыми глазами, чтобы ничего не увидеть еще раз и не рухнуть без сознания под ноги к стражам порядка.

Наконец то приехала скорая помощь, чтобы забрать трупы, я отошла к полицейскому УАЗу, очень не хотелось видеть как из машины будут доставать останки совсем еще не давно живых людей. Скорая помощь уехала, мне любезно предложили проехать до отделения полиции, понимая что это неизбежно, я тяжело вздохнув, села в машину. В кабинете у Петровича я еще раз в красках описала всю картину произошедшего, только ни какой ясности мой рассказ не внес, как эти люди оказались на лесной дороге, почему мчались на такой скорости, почему водитель не справился с управлением – все вопросы оставались без ответа. Мне очень хотелось домой – вымыться и переодеться, казалась не только моя одежда, но и вся я пропиталась запахом горелого мяса, запах стоял в горле, скрипел на зубах, выворачивая всю мою

душу на изнанку! Только часа через три Петрович смиловался и приказал отвезти меня домой, к этому времени мы уже знали, что в машине были две женщины и мужчина, причем за рулем была женщина, а женщина на заднем сидении была пристегнута наручниками за руку к поручню кресла переднего сидения, поэтому ее поза и показалась мне странной.

Дома я скинула с себя всю одежду и не долго думая засунула ее в мусорный пакет, который крепко накрепко завязав, выставила на веранду. Потом я долго, долго стояла под душем, несколько раз намыливая мочалку душистым гелем и смывала с себя противный, вонючий запах. Запах смерти и тлена! Накормив кота, я кое как влила в себя кружку сладкого чая и рухнула на кровать. Всю ночь меня преследовал один и тот же кошмар, девушка с фотографии тянула ко мне обгоревшие руки и кричала: Сашу, спаси Сашу! Я просыпалась несколько раз, но стоила закрыть глаза, все начиналась с начала. Утром я проснулась совершенно разбитая, простынь на постели была скручена в хомут, кот выглядывал из кухни, но близко ко мне не подходил, брезгливо морщил нос и отворачивался. Я понюхала руки, запаха не было, но у кота наверное более острое обоняние, поэтому он еще чувствовал вчерашний смрад. Я встала и подошла к окну, старательно выговаривая: куда ночь, туда и сон! Куда ночь, туда и сон! Этому в детстве меня научила бабушка, она говорила, если тебе приснилось, что то плохое, скажи: куда ночь, туда и сон, и посмотри в окно. Белый свет в окне убе-

рет все плохое и защитит тебя! Через окно на меня смотрело хмурое, серенькое утро, ветер раскачивал ветки яблони и она постукивала в мое окошко, словно просила спрятать ее от дождя и осени. Тяжело вздохнув, я пошла греть чайник. Кот фыркнул и двинулся за мной, соблюдая дистанцию, я приготовила ему завтрак, а сама опять отправилась в душ. Натерев кожу мочалкой до красноты, я решила что мытья достаточно, а если моему любезному другу не нравится мой запах, то может смело топтать на прогулку и не нюхать хозяйку. Кот мое предложение принял скептически, дернул усами, сам мол знаю, что делать, прошу не указывать, серый нахал, распушив хвост, отправился в другую комнату. Я забралась с ногами в кресло, закуталась в плед, включила торшер, поставила на поручень кресла кружку с крепким сладким чаем и пару бутербродов, и наконец то открыла коричневый баульчик. Первым делом я конечно пересчитала деньги, их было восемьдесят семь тысяч рублей. Да, скажу я вам, это практически моя полугодовая зарплата! На душе стало как то очень не уютно, чужие ведь деньги, вообще не известно чьи они, а чужие деньги вещь не очень хорошая, скажем прямо, совсем не хорошая, особенно такая сумма, для когонибудь это возможно просто мелочь, не стоящая никого внимания, так, на один вечер потусить, но я привыкла относиться к деньгам с уважением, они никогда не падали мне с неба, я их всегда зарабатывала своими знаниями и умениями. Засунув купюры назад в надорванную упаковку я положила их

на дно баульчика, решив не думать о них до поры, до времени. Следующей была фотография, ничего, ни какой зацепки, простое семейное фото и только страшная надпись на обороте отличала его от многих других мирно живущих в семейных альбомах. Наконец то дошла очередь до тетради, в ней несколько страниц было исписано аккуратным круглым почерком отличницы, я одела на нос очки и принялась читать « Меня зовут Агния, совершенно случайно мне в руки попала записная книжка из старого военного планшета офицера немецкой армии, мне ее принесли и настойчиво попросили перевести, но мой немецкий наверное не на столько хорош, да и почерк офицера не очень разборчив, поэтому перевод дается мне с большим трудом, но я все же решила, по возможности записать все, что смогу понять в эту тетрадь, чтобы потом собрать куски текста воедино, насколько я поняла он пишет это все для своего маленького сына: «мой любимый мальчик, я не виноват в том, что никогда не видел тебя, я просто знаю, что ты есть, что ты живешь в этом мире, тебе уже полтора года, в редких письмах которые доходят до меня от твоей мамы, она пишет что ты очень похож на меня. Я так скучаю по вам, я так вас люблю, это проклятая война забрала у меня возможность быть с вами и я очень боюсь, что она может забрать у меня жизнь и тогда я никогда не увижу тебя, Гельмут, мой малыш. Страшнее этого ничего не может быть! Я никогда не хотел воевать! Ни когда! Я простой рабочий, краснодеревщик, всегда мечтал жить тихо, своей се-

мьей, растить детей, приходиться вечером с работы, обнимать жену, рассказывать ей про свои дела, по выходным выпивать с друзьями пива, но ничего из этого не сбылось. Уже неделю мы сидим в окопах на одной из нескольких сопок, поросших соснами, наша сопка стоит отдельно от всех остальных, которые образуют небольшой хребет. Местные жители называют их почему то „курганами“. Я воюю уже третий год, Бог хранит меня, я даже не был ни разу ранен серьезно, но это место беспокоит и тревожит меня, как будто я наступаю на собственную могилу.»

«Курганы»! У меня даже в ухе засвербило! Если это действительно то, о чем я думаю, то я там знаю все, как свои пять пальцев. Туда мой отец привез свою семью когда мне было всего двенадцать лет, там каждый метр сопки исхожен моими ногами, там мы играли в казаков и в прятки, там, в беседки у лесной дороги, мы назначали свои первые свидания. Но какое отношение мои « курганы» имеет к погибшем в машине людям?

Усевшись поудобнее, я стала читать тетрадь дальше: « Это странное место, сынок, все сопки поросли высокими стройными соснами, сейчас в жару, а стоит середина лета, воздух весь пропитался сосновым запахом, какая то марь плывет над этим лесом, если долго смотреть в небо, кажется, что ты в этом мире один, что нет войны, что рядом не валяется истекая потом мой взвод, что не суетится вокруг местный полицай Филька Логин, пытаюсь всем услужить, в надежде,

что его не бросят здесь, а заберут с собой в Германию, где у него будет расчудесная жизнь. Германия... где то там ты сейчас гуляешь со своей мамой или спишь или кушаешь... где то там.»

Лёвушка, вставай! Лёва! Ни одного движения. Отец подошел к кровати и долго рассматривал спящего сына, бледное лицо, казалось еще бледнее из за копны черных вьющихся волос, тонкие ручонки поверх лоскутного одеяла, для своих шести лет, единственный сын Якова Бернштейна, выглядел совсем маленьким и щуплым. Отец погладил сына по плечу: вставай Лёва, нам пора собираться. Мальчишка сонно приоткрыл глаза и, увидев отца, улыбнулся. Сейчас встану, сейчас, он попытался перевернуться на другой бок и свернуться калачиком. Лёва! Встаю, встаю, мальчик уселся на постели, потягиваясь, как маленький котенок. Из под вихрастой челки блеснули зеленые материнские глаза. Папа я встал, мы в деревню поедем? Да нет, сынок, мы в деревню пойдем, ножками. Пойдем? Это же далеко, нас что никто не может подвезти? Будет лучше, Лёва, если ни кто не будет знать куда мы ушли, Яков тяжело вздохнул и погладил сына по голове. Их городок был словно разменная монета, словно игральная карта на столе у не очень умелых игроков, его перебрасывали из рук в руки – Россия -Латвия, Латвия – Россия. И сейчас, когда вот вот советские войска должны опять вступить в город (фронт был уже слышен, особенно по ночам), Яков

решил уехать с сыном в деревню, к родственнице давнишнего друга, которого уже к сожалению не было в живых, может там пронесет и в чужом месте никому не придет в голову поживиться чемнибудь у известного ювелира. Да у него и не было ничего! Кому же нужны кольца, серьги и броши, когда нечего кушать. Яков тяжело повздыхал и опять потрепал сына по голове. Они быстро позавтракали, чем Бог послал, Яков закинул за плечо собранную с вечера котомку, взял сына за руку и вышел за порог, повесил на двери замок и поклонился дому, в котором родился и вырос, в котором был счастлив, в котором родился его сын, а потом не оглядываясь вышел за ворота. Они шли через притихший, словно вымерший городок, на улице не было ни души, кто смог уехал или ушел, остальные выходить на улицу лишний раз опасались, сидели по своим домам, изредка беспокоя оконные занавески, чтобы украдкой выглянуть на улицу. Июль в этом году выдался знойным, на небе не было ни облачка, высоко в небе парил ястреб оглядывая в поисках добычи, пустую дорогу, Яков поправил за пазухой сверток с последним ювелирным изделием которое у него осталось, даже голодая он не смог продать гарнитур с изумрудами – колье, серьги и кольцо, сделанный им из серебра и золота в виде виноградных гроздьев и названного в честь жены «Агния», у нее были такие же зеленые глаза, отсвечивающие на солнце как драгоценные камни. Воспоминание о жене сдавило сердце, в котором тяжелым комком жила тоска, не отпуская Якова

ни на минуту, он крепче сжал ладошку сына и прибавил шаг.

Агния росла милым послушным ребенком, она была единственным, поздним и горячо любимым чадом. Когда Агния родилась, ее маме Ольге Львовне было уже тридцать два года, а отцу Сергею Борисовичу все сорок. Они давно не ждали и не надеялись на такое счастье, как рождение малыша, ведь в браке к этому моменту они прожили уже двенадцать лет. Сначала они очень переживали, что Бог не дает им детей, особенно когда ходили в гости к друзьям и слышали в их домах веселый детский смех, а потом как то смирились и стали жить друг для друга, делать карьеру, наслаждаться полнотой жизни. Поэтому когда Ольга Львовна прямо на работе упала в обморок, они с мужем, пока ехали до больницы пытались найти этому факту объяснение, предполагая все, начиная от тривиального отравления, заканчивая раком. После осмотра и сдачи анализов врач сообщил Ольге, что у неё беременность сроком десять- двенадцать недель. Сказать, что супруги этому обрадовались, не сказать ни чего, если они и до этого относились к друг другу с большой любовью, то теперь муж стал обращаться с женой, как со священным сосудом, в котором заключена вся его жизнь. Он носил свою Олечку на руках, выполняя каждое её малейшее желание. Дочка родилась в сентябре, Сергей Борисович присутствовал на родах, где благополучно грохнулся в обморок,

пропустив момент рождения своей единственной наследницы. Девочку, по просьбе бабушки, назвали Агнией, она смотрела на мир такими же зелеными глазами как её прабабка, а это было все, что помнил о своей матери её дед – теплые, лучистые глаза изумрудного цвета.

Рождение дочери стало для Сергея Борисовича своеобразной точкой отсчета, жизнь заиграла новыми красками, этот маленький пищащий комочек стал центром вселенной, вокруг которого, как две планеты вращались родители. Рождение дочери дало толчок его карьере, если до этого он был простым преподавателем, да в институте, да кандидатом наук, но все равно преподавателем, то решив обеспечить ее достойное будущее, Сергей Борисович отправился в свободное плаванье. Он занялся делом которое знал, любил и понимал, будучи прекрасным биологом и натуралистом, Сергей Борисович занялся цветами. Заняв денег в долг у всех друзей, знакомых и приятелей, на свой страх и риск он открыл маленький цветочный магазинчик. То ли удача сопутствовала ему, то ли это был его счастливый билет, но уже через два года его сеть цветочных магазинов, названная « Визит », была в их областном городе самой крупной, никто не выдерживал конкуренции с его букетами и экзотическими цветами, его советами по выращиванию и готовностью помочь во всем, что касается цветов. А в семье в это время подрастал свой экзотический, горячо любимый, зеленоглазый цветок.

На шестнадцатилетие мама подарила Агнии кольцо, про-

сто сняла его со своей руки и одела на палец дочери. Птичка моя, это кольцо мне в мои шестнадцать лет подарил твой дедушка Лев Яковлевич, это все что у него осталось от его отца Якова Самуиловича Бернштейна. Прадед твой был талантливым ювелиром, хоть и жил в маленьком захолустном городке, его работы славились далеко по округе, не только из губернского города приезжали к нему, но даже столичные дамы почитали за счастье носить кольца и подвески с клеймом Бернштейна.

Отец Ольги матери своей не помнил, она умерла когда ему не было и трех лет, а вот отца помнил четко и ясно, помнил его руки, которые ласкали драгоценные камни, отгибали лепестки у диковинных золотых цветов, помнил как отец показывал ему свое клеймо на золотом витом браслете – букву «Б» на виноградной грозди. Больше всего Яков Самуилович любил работать с изумрудами, говорил сыну, что эти камни смотрят на мир глазами его жены, женщины которую он безумно любил и которую так рано потерял.

Посмотри какая прелесть это кольцо, оно сделано руками твоего прадеда, мне всегда казалось, что оно живое, что оно защищает меня от бед и несчастий, а теперь оно твое, так решил твой дед, сказал что кольцо будет передаваться в нашей семье старшим дочерям в день их шестнадцатилетия, а с дедом спорить бесполезно, ты ведь сама знаешь. Кольцо и правда было удивительным, две виноградных лозы золотая и серебряная свиваясь, несли изумрудную кисть вино-

града. Я очень люблю тебя, девочка моя, пусть это кольцо будет твоим талисманом. Отец рассказывал, что это был гарнитур – ожерелье, серьги и кольцо, все это пропало в войну, он старается не вспоминать как это произошло, я только знаю, что при этом погиб его отец, осталось только кольцо, теперь оно твое, а когданибудь ты передашь его своей дочери, а она своей...

Почему Бернштейн? Дедушка ведь Трофимов? Трофимов, но он и Бернштейн... он тебе сам все расскажет, ты собирайся, отец отвезет тебя к деду на выходные.

Я в глубокой задумчивости сидела в своем любимом кресле, картинка в моей голове ни как не желала складываться, мелкие пазлы болтались сами по себе – «курганы», сосны, немцы... надо было найти что то объединяющее всю эту мешанину. Что то такое было, вертелось что то на кончике языка, но ни как не вспоминалось, вызывая во мне умственную чесотку, знаете как бывает, думаешь вот -вот, а вспомнить не получается! Мое самоистязание прервал телефонный звонок, я поспешно схватила трубку, чтобы отключиться от назойливых копания в собственном мозгу. Бас Петровича в трубке был раскатист и бархатист: жива, террористка? И что это мы вместо здравствуйте, сразу наезжаем на старую, больную женщину? Старая, больная – заржал приятель, да нас вас, мадам, пардон, еще пахать можно! Можно то можно, но мелко – мелко. Так то же старый конь мелко-мелко,

а ты же у нас еще вполне строевая... дама. Подхалим ты, Петрович и мелкий дамский угодник. Чего это мелкий то? Я вполне даже крупный. Ну крупный, крупный, чего хотел, налим? Ты чего обзываешься, какой я тебе налим? Да такой же скользкий! Ну вот обидела ни за что, ни про что хорошего человека, а я к тебе может со всей душой. Ага, и со всей попой тоже, говори чего хотел, отвлекаешь от умных мыслей. Петрович, зная мои способности попадать в различные истории, сразу насторожился – и о чем же умном ты там думаешь? О любви, мой дорогой, о любви! Да, Павловна нет тебе покоя, смотрю я на тебя и думаю, повзрослеешь ты когданибудь или нет? А ты в мой паспорт то не смотри, на самом то деле, я дура душой! Дурам знаешь как жить хорошо! Все, Нин, заканчивай у меня уже живот от смеха болит, забыла что ли, что у меня язва и печень? Знаю, есть, сидит дома и ждет тебя с работы! Я ей сегодня вечером это передам. Не стоит, я ей это уже озвучивала. Ладно говори, чего хотел? Посоветоваться хотел, а ты ржешь как умалишенная. Так говорю же, дура душой! Приезжай советоваться, я тебя чаем напою. А борща нет? А к язве и печени? Не, Нин, она такого борща варить не умеет. Приезжай уже, вымогатель, а то так и до рюмочки перед обедом договоришься. А есть? – голос приятеля стал заинтересованным в высшей степени? У тебя язва и печень! Петрович плюнул и повесил трубку, я вылезла из кресла и поплелась разогревать борщ.

Дед! Дед был самым главным другом Агнии, она так любила эти поездки к нему в гости! Он жил в маленьком домишке на краю березовой рощи, всю свою жизнь он работал егерем, знал все про птиц и зверей и всему этому учил Агнешку, только он называл ее так, только с ним она делала все, что хотела, не задумываясь о последствиях и правилах хорошего тона. Человек живет для себя в первую голову и только потом для остальных, любил повторять дед. Сегодня все полтора часа езды, дед жил в ста километрах от них и никак не соглашался переехать поближе, Агния сидела как на иголках, она торопила отца, но тот только улыбался и поглаживал ее по коленке: что, торопыга, не терпится все узнать, ты же заешь, что любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Сергей Борисович хорошо знал семейную историю своей жены, но как к этому отнесется их дочь он не знал. Дед сказал, она девочка умная, всё поймет, привозите её, я сам хочу ей всё рассказать, каждый должен знать свои корни, даже если эти знания приносят великие печали. И вот он вез дочку к отцу жены и пытался осадить ее нетерпение, пытался оградить ее от всех бед прошлых и будущих, потому что она была смыслом его жизни, его счастьем и радостью. Старый дедовский дом встретил их запахом мяты и полыни, дед ждал их у порога, пообнимался с зятем, а внучку как прижал к себе, так больше и не отпускал дальше, чем на шаг. Они дружно попили чаю с бубликами, посмеялись всяким мелочам и Сергей Борисович отправился в обратную дорогу,

не поддавшись на уговору переночевать и ехать на рассвете, завтра рано утром ему должны были доставить новую партию экзотических цветов и он должен был обязательно при этом присутствовать, все проверить, чтобы не дай бог ничего не напутали, нет, он конечно доверял своим подчиненным.. но береженого, Бог бережет! Дочь и тесть вышли провожать его к воротам, глядя на них Сергей Борисович еще раз подивился шуткам природы, на лице дочери, так похожей на него, жили зеленые дедовы глаза и взмах рук на прощание был совершенно одинаков, как будто махал один человек. Проводив отца, они вернулись в дом: деда, смотри, Агния протянула деду ладонь, на пальце горела, переливаясь в лучах заходящего солнца, виноградная гроздь. Правда, красиво! Очень красиво! Только я не поняла, почему мама говорила мне про какого то Бернштейна? Она мне сказала, что ты мне все расскажешь. Расскажу, пойдем ка по хозяйству все дела сделаем, чайку еще раз с мятой заварим и поговорим, долгий нам с тобой разговор предстоит и не веселый, но из песни слов не выкинешь. Дед тяжело поднялся и вышел на улицу, занимаясь привычными делами, подшучивая над внучкой, он казалось забылся, перестал хмуриться, заулыбался. Сделав все дела по хозяйству и приготовив ужин, они уселись за стол, ели картошку с солеными огурцами и грибами, дед выпил самогонки за внучкино здоровье, пожелал ей счастья и успехов, но это было все не то, что она ждала. Ну, деда, давай, рассказывай! Они уселись в кресла друг на против друга и,

потягивая крепкий чай, Лев Яковлевич начал свой не веселый рассказ: «мы жили с отцом здесь, в нашем городке, жили вдвоем, мамы я практически не помню, остался в памяти только взгляд добрых зеленых глаз и ощущение нежного поглаживания по спине, оно мне снится иногда до сих пор, я помню как мы идем с отцом в деревню по полевой дороге, лето, очень жарко, в траве громко звенят кузнечики, отец сказал, что из города надо уйти от греха подальше, слова эти мне не понятны... куда.. от какого греха, ноги мои цепляются за траву, я падаю и не хочу больше подниматься, отец садиться рядом – устал? Ну передохни, высоко в небе кружит ястреб, небо бездонное, сине- синее, ни одного облачка! Если долго смотреть в верх, лежа на спине, начинает кружиться голова. Лёва, вставай, надо идти, а то мы так и до ночи не дойдем, я хнычу, но отец непреклонен, так мы и тянемся через поля, нога за ногу, я не понимаю зачем мы куда то идем, мне хочется домой, но отец не отпускает мою руку и мы потихоньку приближаемся к намеченной цели. Мы пришли к тете Пелагее, это двоюродная сестра друга отца, она напоила меня молоком, так с кружкой в руках я и заснул за столом, проснулся на постели в летней кухне, там мы и стали жить. Я бегаю по заброшенному саду имения Трофимовых, собираю жуков и божьих коровок, отец помогает тетке Пелагее по хозяйству. Взрослые все время говорят о том времени когда закончится война, мечтают о спокойной жизни. Для меня это не понятно, я не чувствую опасности,

хотя уже ясно слышна канонада, для меня она просто звук, который ничего не означает. Тетя Пелагея пошла с нашего хутора за лесом в деревню, пришла расстроенная, сказала, что местный полицай Филька Логин в деревне злобствует, узнал, что у нее кто то живет, все допытывался кто, но она не сказала. Этот день был обычным днем, он ничем не отличался от предыдущих. После обеда отец сидел за столом и разложив изумрудный гарнитур, полировал зеленые камни ожерелья, я сидел напротив, и лепил медведя из хлебного мякиша, в окне мелькнула тень, отец резко выхватил мякиш из моих рук, вдавил в него лежащее на столе кольцо, закатал хлеб в шарик и сказал – спрячь, это твоё, я сжал хлебный шарик в руке. Открылась дверь, на пороге стоял заросший жесткой щетиной дядька с автоматом: а, вот какие у Пелагеи гости! Крутые гости! А вещички то у них еще круче! Яков встал, закрывая собой сына, раздался выстрел. Отец упал зацепив стул, Лев сжался в комочек и замер: ну что, жиденыш, ты следующий, чтобы никто не знал, что я тут забрал, глумливая улыбка перекосила лицо страшного мужика, но тут опять открылась дверь и раздался выстрел, страшный дядька упал поперек убитого им отца, в проходе у двери стоял молодой, высокий немецкий офицер, он подошел к столу, посмотрел на лежащие там ожерелье и серьги, покачал головой, завернул их обратно в тряпицу и засунул в карман френча, потом подхватил на руки почти беспмятного Льва и вынес его из летней кухни. Гюнтер Краузе дер-

жал на руках легкое тельце маленького мальчика, мальчика у которого только что убили отца, мальчика который остался жив по счастливой случайности, опоздай он хоть на минуту и малыша уже тоже не было бы в живых. Война есть война, на ней убивают, но взрослые взрослых и за идею, а не за сраные побрякушки, ни один камень в мире не стоит человеческой жизни, особенно жизни ребенка. Он донес мальчика до дома и отдал его в руки женщины, практически не зная русского языка, больше знаками, он объяснил, что Филимон Логин убил отца мальчика, а он, Гюнтер Краузе убил Филимона и спас мальчика. Когда он уходил женщина горько плакала прижимая к себе маленького мальчика. Лев пролежал в горячке пять дней, Пелагея не отходила от него, боялась, что он умрет, но он выкарабкался, все это время он сжимал в кулачке хлебный шарик.» А дальше дедушка? А дальше завтра, пойдем спать, поздно. Агния долго не могла заснуть, она все представляла себе, что мог чувствовать ребенок на глазах у которого убили отца, сердце ее сжималась в комок и слезы мочили подушку, за перегородкой тяжело вздыхал и ворочался дед. Утром Агния ходила за дедом хвостиком, ждала продолжения рассказа, но он как будто забыл о том, что обещал ей рассказать все до конца. Они сходили через рощу в город, принесли из магазина провианта на неделю, потом дед затеял топить баню, копать не докопанную картошку, Агния молча ждала, она знала, что дед все равно выполнит обещание. Дед вернулся к разговору толь-

ко вечером: « когда я пришел в себя, фронт уже прокатился через нашу местность, тетя Пелагея рассказывала, что были бои, но за лесом и нас это не коснулось, отца похоронили на местном кладбище, когда я окреп мы сходили навесить его могилу и там я понял, что ничего не помню из момента его гибели, мое сознание вычеркнуло эту страшную сцену из памяти, я только четко знал, что зачем то должен сохранить шарик из хлебного мякиша. Мы остались с тетей Пелагеей вдвоем, у нее не было ни кого и у меня не было ни кого, когда стало возможно, она сходила и выправила мне документы на Трофимова Льва Яковлевича, так я стал ее племянником, а вернее сыном, ближе ее у меня не было ни кого, и она заботилась обо мне так, как другая мать не заботится. В восемнадцать лет меня забрали в армию, служили тогда три года, через два года я приехал к маме Пелагее в отпуск и познакомился на танцах с твоей бабушкой, в общем когда вернулся из армии домой, там меня ждали три женщины – мама Пелагея, Аннушка и твоя мама Оленька в люльке повешенной на крюк в нашем старом доме. Так мы и жили все вместе, иногда голодно и трудно, но всегда дружно и всегда у меня хранился засохший хлебный шарик, мама Пелагея сшила для него холщовый мешочек, в нем он и лежал, неизвестно зачем. Мама Пелагея умерла когда Оленьке исполнилось десять лет, умирая она сказала мне, чтобы я помнил, что я жив только потому, что меня не дал убить немецкий офицер, которого звали Гюнтер Краузе. Прошло еще шесть

лет, в ночь перед Олиным шестнадцатилетием мне приснился странный сон, во сне ко мне пришел отец и сказал: «Лёва, хлебушек пора размочить и отдать то, что в нем, по назначению» – я проснулся среди ночи в холодном поту, долго сидел на постели обдумывая сон, он был такой ясный, как будто это была явь! Что размочить, какой хлебушек? Хлебушек! Он был только один! Осторожно, чтобы не разбудить жену, я достал холщовый мешочек и пошел с ним на кухню, там я вытащил из мешочка засохший хлебный шарик и опустил его в воду, а сам уселся курить у печки на приступок, через десять минут я вытащил из воды размякший хлебный шарик и начал его разминать, внутри что то было, еще через несколько минут я держал в руках кольцо – две виноградных лозы золотая и серебряная свиваясь, несли изумрудную кисть винограда. В этот момент что то взорвалось в моем мозгу- я все вспомнил! Вспомнил страшного мужика с автоматом, вспомнил как упал мертвый отец, как немец нес меня на руках, крепко прижимая к себе. Я вышел на крыльцо и долго плакал, причитая как маленький, днем я подарил кольцо Оленьке и сказал, что это ей подарок от бабушки Яши, и что бабушка хотел, чтобы это кольцо всегда было в нашей семье и передавалось старшей дочери по наследству в день её шестнадцатилетия. Я не смог там больше жить и мы с Аней продали дом и переехали сюда, с тех пор я здесь так и живу и всегда помню о своем отце и о человеке который меня спас. Вот теперь, малыш, ты знаешь все и это кольцо

у тебя, храни его девочка.»

Минут через пятнадцать у ворот зафыркал милицейский УАЗик и я пошла к калитке встречать драгоценного Виктора Петровича. Борщом то покормишь? Куда же тебя, такого красавца денешь, покормлю. Конечно красавец, приосанился Петрович, а рюмочку нальешь? А вот это мимо, товарищ подполковник, у вас язва и печень, забыли? Я еще жить хочу и причем не в разобранном виде! Да, это точно, Танька у меня баба грозная, можешь и ты язву заполучит на пару с печенью, заулыбался приятель. Ну, я то какнибудь от её яда противоядие найду, не то что ты, подкаблучник. Весело переругиваясь, мы уселись за стол на котором дымились тарелки с борщом. Нин, ну одну маленькую, маленькую рюмочку! Ну рюмашку! Отстань, нету у меня. А у меня есть, я человек запасливый, из кармана форменных брюк на стол материализовалась чекушка «Столичной», пришлось доставать рюмки. Под «Столичную» борщ прошел на «ура»! Когда голод был утолен, а чекушка подошла к концу, Витюша начал наконец то рассказывать зачем приехал. Понимаешь, Нин, сама знаешь городишко у нас не криминальный, ну драки, поножовщина, семейные разборки, а такого как вчера я и не упомяну, это ведь не авария, а что то другое. Вот ты там была, скажи на что это было похоже? Я немножко подумала и выдала версию, которая беспокоила меня с самого утра – это было похоже на драку, как будто в машине люди дра-

лись не давая водителю вести машину и потом его или ударили или еще что сделали, но управление он, вернее она потеряла, она не тормозила, а так на скорости и вошла в столб, причем скорость была очень большая для гравийки, просто огромная! Я не понимаю куда они так летели? Ты же сам знаешь, там ехать некуда! Роща, за рощей болото и граница! Так может к границе и перлишь? Реалист в моей голове настойчиво твердил: расскажи про сумку, расскажи! Авантюрист грозил кулаком и подпрыгивал на одной ножке: Вот только попробуй! Итог спора был абсолютно предсказуем, победил как всегда авантюрист, прав Петрович, я наверное никогда не повзрослею, так и останусь пожившей девчонкой. Задумавшись, я пропустила суть рассказа Петровича – ты меня слушаешь или нет, или тебе борщ в голову ударил? Прости, задумалась. Задумалась она, я тут перед ней бисер мечу... а она задумалась. Вить, ну ладно тебе, давай еще раз, на бис. Ага, нашла тоже мне Киркорова! Петрович! Ладно, говорю тебе, сам сегодня еще раз туда с замом ездил, ты права, тормозного пути нет, машина как шла, так и ушла в столб, как будто водитель был уже мертвый, ну или без сознания, и в машине я сам пошарил, мои то ухарцы сама знаешь какие. Да знаю, знаю, просто шерифы! Петрович поморщился – где же я тебе других возьму, хорошо хоть шерифы есть. А ты им еще бляхи дай, будут перед беззащитными женщинами махать. Ну все, больше ничего не буду рассказывать! Ладно Вить, прости, перегнула палку, ты то тут не причем,

давай лучше чайку. С вареньем? С вареньем. Попивая чай вприкуску с клубничным вареньем, Петрович успокоился, да и я больше не давила на его большую мозоль. В общем сама в остове от машины покопался и вот смотри, что нашел, оно под сидение водительское завалилась, и ничего с ним смотри нет, думаю что то дорогое, какаянибудь хрень сгорела бы или расплавилась и он положил мне на ладонь кольцо, две виноградных лозы золотая и серебряная свиваясь, несли изумрудную кисть винограда. С кольцом и правда ничего не случилось, как будто его нашли не в сгоревшей машине, а достали из шкатулки, я подняла на Петровича глаза: не понимаю, под сиденьем то оно как оказалась, ведь по идее оно должно остаться на руке трупа? Шеф полиции пожал плечами и ни чего не сказал мне в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.